

Залетный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Залетный. Василий Макарович Шукшин

Кузнец Филипп Наседкин – спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик – вдруг запил. Да и не запил вовсе, а так – стал прикладываться. Это жена его, Нюра Заполошная, это она решила, что Филя запил. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: Филя запил. И все решили, что надо Филю спасти.

Главное, всех насторожило, что Филя «схлестнулся» с Саней Неверовым. Саня – человек очень странный. Весь больной, весь изрезанный (и плеврит, и прободная язва желудка, и печень, и колит, и черт его не знает, чего у него только не было, и геморрой), он жил так: сегодня жив, а завтра – это надо еще подумать. Так он говорил. Он не работал, конечно, но деньги откуда-то у него были. У него собирались выпить. Он всех привечал.

Изба Сани стояла на краю деревни, над рекой, присела задом в крутизну берега, а двумя маленькими глазами-окнами смотрела далеко-далеко – через реку, в синие горы. Была маленькая оградка, какие-то старые бревна, две березки росли... Там, в той ограде, отдыхала душа.

Саня не то что слишком уж много знал или много повидал на своем веку (впрочем, он про себя не рассказывал. Мало рассказывал) – он очень уж как-то мудро говорил про жизнь, про смерть... И был неподдельно добрый человек. Тянуло к нему, к родному, одинокому, смертельно больному. Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – и в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял. Ну и что? Ну и ладно! – так думалось.

Бабы замужние возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне. Появился он этой весной, облюбовал у цыган развалюху, сторговал, купил и стал жить. Его сразу, как принято, окрестили – Залетный. И, разумеется, – Саня, потому что – Александр. Его даже побаивались. И все зря. Филя, когда бывал у Сани, испытывал такое чувство, словно держал в ладонях теплого еще, слабого воробья с капельками крови на сломанных крыльях – трепетный живой комочек жизни. И у Филя все восставало в груди – все доброе и все злое, когда про Саню говорили плохо.

Филя так и сказал на правлении колхоза:

– Саня – это человек. Отвяжитесь от него. Не тревожьте.

– Пьяница, – поправила бухгалтерша, пожилая уже, но еще миловидная активистка.

Филя глянул на нее, и его вдруг поразило, что она красит губы. Он как-то не замечал этого раньше.

– Дура, – сказал ей Филя.

– Филипп! – строго прикрикнул председатель колхоза. – Выбирай выражения!

– Ходил к Сане и буду ходить, – упрямо повторил Филя, ощущая в себе злую силу.

– Зачем?

– А вам какое дело?

– Ты же свихнешься там! Тому осталось... самое большее полтора года, ему все равно, как их дожить. А ты-то?!

– Он вас всех переживет, – зачем-то сказал Филя.

– Ну, хорошо. Допустим. Но зачем тебе спиваться-то?

– Иди спои меня, – усмехнулся Филя. – Через неделю на баланс сядешь. Вы меня

Залетный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
хоть раз сильно пьяным видели?

– Так это всегда так начинается! – вместе воскликнули председатель, бухгалтерша, девушка-агроном и бригадир Наум Саранцев, сам большой любитель «пополоскать зубки». – Всегда же начинается с малого!

– Тем-то он и опасен, Филипп, этот яд, – стал развивать мысль председатель, – что он сперва не пугает, а как бы, наоборот, заманивает. Тебе после войны не приходилось на базаре в карты играть?

– Нет.

– А мне пришлось. Ехал с фронта, вез кое-какое барахлишко: часы «Павел Буре», аккордеон... В Новосибирске пересадка. От нечего делать пошел на барахолку, гляжу – играют. В три карты. Давай, говорят, фронтовичек, опробуй счастье! А я уже слышал от ребят – обманывают нашего брата. Нет, говорю, играйте без меня. Да ты, мол, опробуй! Э-э, думаю, ну, проиграю тридцатку... – председатель оживился. Его слушали, улыбались. Филя крутил фуражку меж колен. – Давай, говорю! Только без обмана, черти! А надо было, значит, отгадать одну карту... Он их сперва показывает, потом у тебя на глазах тасует и, значит, раскладывает тыльной стороной. Все три. Одну тебе надо отгадать, туза бубей, например. И ведь все на глазах делает, паразит! Вот показал он мне все три лицом – запомнил? Запомнил, говорю. Следи!.. Раз-раз-раз – перекидывает их. Я слежу, где туз бубей. Какая, спрашивает? Я зажал пальцем... Переворачиваем – туз бубей. Выиграл. Они мне еще дали выиграть раза три-четыре... Ну, и все: к вечеру и аккордеон мой, и часы, и деньги – как корова языком слизнула. Все проиграл. Попытался было силой отбить, но их там много оказалось. Так и явился домой с пустыми руками. Вот как, Филипп, зараза-то всякая начинается – незаметно. Ведь они же мне сперва дали выиграть, потом уж только чистить-то начали. Ведь мне все отыграться хотелось, все надеялся... Вот и отыгрался. Водка, она действует тем же методом: я тебя сперва ублажу, ублажаю, а потом уж возьмусь за тебя. Так что смотри, Филипп, – не прогадай.

– Мне не восемнадцать лет.

– А она анкетные данные не спрашивает! Ей все равно... Работник ты хороший, с семьей у тебя пока все благополучно... Просто мы предупреждаем тебя. Не ходи ты к этому Сане! Он, может, хороший человек, но смотри, сколько на него баб жалуется!..

– Дуры, – опять сказал Филя.

– Ну, задолбил, как дятел: дуры, дуры. Твоя Нюра – дура, что ли?

– И моя дура. Чего заполошничать?

– Да то, что ей семью разрушать не хочется!

– Никто ее не разрушает. Сама бегаёт разрушает.

– Ну, смотри. Мы тебя предупредили. А этого твоего Саню мы просто выселим из деревни, и все... Он дождется.

– Не имееете права – больной человек.

– Найдем право! Больной... Больной, значит, не пей. Иди работай, Филипп.

– Вызывали? – спросил вечером Саня, нервно подрагивая веком левого глаза.

– Вызывали, – Филе было стыдно за жену, за председателя, за все правление в целом.

– Не велели ходить?

– Та-а... што я, ребенок, што ли!

Залетный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да, да, – согласился Саня. – Конечно, – и веко его все подергивалось. Он смотрел на далекие горы. С таким выражением смотрел, точно ждал, что оттуда – вспять – взойдет солнце. Оно там заходило. – Ночью, часу в двенадцатом, соловьи поют. Ах, дьяволята!.. выкомаривают. Друг перед другом, что ли?

– Самок заманивают, – пояснил Филя.

– Красиво заманивают. Красиво. Люди так не умеют. Люди – сильные.

«Это ты-то – сильный?» – думал Филя.

– Уважаю сильных людей, – продолжал Саня. – В детстве меня колотил один парнишка – сильней меня был. Мне отец посоветовал: потренируйся, поподнимай что-нибудь тяжелое – через месяц поколотить его. Я стал поднимать ось от вагонетки. Три дня поподнимал – надорвался. Пупок развязался.

– А ты бы взял – раз послабей – гирьку, привязал бы ее на ремешок да гирькой бы его по башке. Я тоже смирный был, маленький-то, ну один извязался тоже, проходу не дает. Я его гирькой от часов разок угостил – отстал.

Саня пьянел. Взор его туманился.. Покидал далекие синие горы, наблюдал речку, дорогу, дикий кустик малины под плетнем. Теплел, становился радостным.

– Хорошо, Филипп. Мне – пятьдесят два, двенадцать откинем – несознательные – сорок... Сорок раз видел весну, сорок раз!.. И только теперь понимаю: хорошо. Раньше все откладывал, все как-то некогда было – торопился много узнать, все хотел громко заявить о себе... Теперь – стоп-машина! Дай нагляжусь. Дай нарадуюсь. И хорошо, что у меня их немного осталось. Я сейчас очень много понимаю. Все! Больше этого понимать нельзя. Не надо.

Снизу, от реки, холодало. Но холодок тот только ощущался, наплывал... Это было только слабое гнилостное дыхание, и огромная, спокойная теплынь от земли и неба губила это дыхание.

Филя не понимал Саню и не силился понять. Он тоже чувствовал, что на земле – хорошо. Вообще жить – хорошо. Для приличия он поддерживал разговор.

– Ты совсем, што ли, одинокий?

– Почему? У меня есть родные, но я, видишь, болен, – Саня не жаловался. Ни самым даже скрытым образом не жаловался. – И у меня слабость эта появилась – выпить... Я им мешаю. Это естественно...

– Трудно тебе, наверно, жилось...

– По-разному. Иногда я тоже брал гирьку... Иногда мне гирькой. Теперь – конец. Впрочем, нет... вот сейчас я сознаю бесконечность. Как немного стемнеет, и тепло – я вдруг сознаю бесконечность.

Этого Филя совсем не мог уразуметь. Еще один мужик сидел, Егор Синкин, с бородой, потому что его в войну ранило в челюсть, тот тоже не мог уразуметь.

– В тюрьме небось сидел? – допытывался Егор.

– Бог с вами! Вы еще из меня каторжанина сделаете. Просто я жил и не понимал, что это прекрасно – жить. Ну, что-то такое делал... Очень любил искусство. Много суетился. Теперь спокоен. Я был художник, если уж вам так интересно. Но художником не был, – Саня искренне, негромко, весело смеялся. – Вконец запутал вас... Не мучайтесь. Ну мало ли на свете чудаков, странных людей!.. Деньги мне присылает брат. Он богатый. То есть не то что очень богатый, но ему хватает. И он мне дает.

Это мужики понимали – жалеет брат.

– Если бы все начать сначала!.. – на худом темном лице Сани, на острых скулах вспухали маленькие бугорки желваков. Глаза горячо блестели. Он волновался. – Я объяснил бы, я теперь знаю: человек – это... нечаянная, прекрасная, мучительная попытка Природы осознать самое себя. Бесплодная, уверяю вас, потому что в

Залетный. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
природе вместе со мной живет геморрой. Смерть!.. и она неизбежна, и мы ни-ког-да этого не поймем. Природа никогда себя не поймет... Она взбесилась и мстит за себя в лице человека. Как злая... мм... – дальше Саня говорил только себе, неразборчиво. Мужикам надоедало напрягаться, слушая его, они начинали толковать про свои дела.

– Любовь? Да, – бормотал Саня, – но она только запутывает и все усложняет. Она делает попытку мучительной – и только. Да здравствует смерть! Если мы не в состоянии постичь ее, то зато смерть позволяет понять нам, что жизнь – прекрасна. И это совсем не грустно, нет... Может быть, бессмысленно – да. Да, это бессмысленно.

Мужики понимали, что Саня уже хорош. И расходились по домам.

Филя брел переулками-закоулками и потихоньку растрчивал из груди горячую веру, что жизнь – прекрасна.

Оставалась только щемящая жалость к человеку, который остался один сидеть на бревне... И бормочет, бормочет себе под нос нечто – так он думает, тот человек, – важное.

Через неделю Саня помер.

Помирал трезвым. Ночью. С ним был Филя.

Саня все понимал и понимал, что помирает. Иногда только забывался – точно накрепко задумывался, смотрел в стенку, не слышал Филю...

– Сань! – звал Филя, – Ты не задумывайся. А то так хуже. Может, встанешь походишь маленько? Давай я повожу тебя по избе... Сань?

– Мм?..

– Поломай себя... Разомнись маленько.

– Сходи, Филипп... дай веточку малины... Под плетнем растет. Только пыль не стряхни... Принеси.

Филя вышел в ночь, и она оглушила его своей необъятностью. Глухая весенняя ночь, темная, тяжелая... огромная. Филя никогда ничего в жизни не боялся, а тут вдруг чего-то оробел... Поспешно сломил молодую веточку малины, влажную от ночной сырости, и заторопился опять в избу. Подумал: «Какая на ней пыль? Не успела еще... пыль-то, дороги-то еще грязные. Откуда пыль-то?»

Саня приподнялся на локте и прямо в упор смотрел на Филю. Ждал. Филя одни только эти глаза и увидел в избе, когда вошел. Они полыхали болью, они молили, они звали его.

– Не хочу, Филипп! – ясно сказал Саня. – Все знаю... Не хочу! Не хочу!

Филя выронил веточку.

Саня, обессиленный, упал головой на подушку и тихо, и торопливо еще сказал:

– Господи, господи... какая вечность! Еще год... полгода! Больше не надо.

У Фили больно сжалось сердце. Он понял, что Саня помрет. Скоро помрет. Он молчал.

– Не боюсь, – тихо, из последних сил торопился Саня. – Не страшно... Но еще год – и я не приму. Ведь это же надо принять! Ведь нельзя же, чтобы так просто... Это же не казнь! Зачем же так?..

– Выпей водки, Сань?

– Еще полгода! Лето... Ничего не надо, буду смотреть на солнце... Ни одну травинку не помну... Кому же это надо, если я не хочу? – Саня плакал. – Филипп...

– Што, Сань?

– Кому же это надо? Ну ведь глупо же, глупо!.. Она же – дура! Колесо какое-то.

Филя тоже плакал – чувствовал, как по щекам текут слезы. Сердито вытирался рукавом.

– Сань... ты не обзывай ее, может, она... это... отступит. Не ругай ее.

– Я не ругаю. Но ведь как глупо! Так грубо... и ничем не помочь! Дура.

Саня закрыл глаза и замолк. И долго-долго молчал. Филя даже подумал, что уже – все.

– Поверни меня... – попросил Саня. – Отверни. – Филя повернул друга лицом к стене.

– Дура, – еще раз совсем тихо сказал Саня. И опять замолчал.

Филя с час примерно сидел на стуле не шевелясь, ждал, когда Саня что-нибудь попросит. Или заговорит. Саня больше не заговорил. Он помер.

Филя и другие мужики схоронили Саню. Тихо схоронили, без лишних слов. Помянули.

Филя посадил у изголовья его могилы березку. Она прижилась. И когда дули южные теплые ветры, березка кланялась и шевелила, шевелила множеством мелких зеленых ладоней – точно силилась что-то сказать. И не могла.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!